В. П. СВЕНЦИЦКИЙ

Христианство и «половой вопрос»

По поводу книги В. Розанова «Люди лунного света»

Никогда еще Розанов не высказывался о «метафизике христианства» с такой определенной ненавистью.

Книга замечательная. Здесь однобокость и ложь доведены до последних пределов. Но, несмотря на эту однобокость и ложь, одно из самых больных мест в официальной церкви (не в христианстве) вскрыто с поразительной глубиной.

Я разумею половой вопрос, двойственное учение о браке, отсутствие в современном христианстве твердого и правильного отношения к *физической* любви, к половому акту.

В. Розанов видит в христианстве *иночество.*

Отрицание брака. По его мнению, новое, что дало миру христианство, заключается в «бессеменности». Христианство задушило жизнь.

Оно попрало основную заповедь Божию — «плодитесь и размножайтесь». Оно превратило мир из чудесного райского сада в сухостой. В мире *все пол,* потому что все рождается из полового акта. Отрицая пол, христианство отрицает *мир.*

Христианскому сухостою он противопоставляет жизнь древнееврейскую, исполненную постоянного полового напряжения. «Если “жёнство» хорошо, — говорит Розанов, — то много-“жёнство” еще лучше». В чем заблуждение Розанова и каково подлинно христианское решение полового вопроса, об этом речь впереди, а пока нельзя не отметить правоты Розанова в той части, где он *критикует* существующее теперь отношение к половому акту.

С одной стороны, брак — «таинство», брак освящается Церковью. С другой стороны, половое отношение — нечто «грязное», что требует «очищения», как скверна.

Слова «могий вместити» [1] толкуются, по отношению *не могущих вместить,* как некоторое «неизбежное зло».

Отсюда заповедь святых (из Киевского Патерика): «Никогда в жизни ни с одной женщиной слова не говори».

«Нет супружества, семьи — и не надо», — это с одной стороны, а с другой — моление о том, чтобы потомство умножилось, как песок морской.

Полового акта стыдятся не только вне брака, но и в браке. И если бы кто-нибудь сказал бы, что новобрачных надо на первую ночь оставлять в храме, это было бы принято как *кощунство.* Потому что, с точки зрения Церковной, «Церковь», святое и половое сношение, «грязное» ничего общего между собой не имеют.

А в результате, говорит Розанов: «У нас в старомосковскую пору новобрачных, даже незнакомых друг другу, укладывали в постель и они "делали", — так и до сих пор русские "скидают сапоги" и проч., и, улегшись, "делают", и затем засыпают без поэзии, без единого поцелуя часто, без единого даже друг другу слова!»

То есть, другими словами, двойственное учение о половых отношениях фактически ведет *к чудовищному разврату,* хотя бы брак и был «законный», и супруги были «верны друг другу».

Но что же из этого следует?

Только то, что современное учение *не право,* но никак не то, что *христианство* не право и что прав Василий Васильевич Розанов.

Допустим, что основное положение Розанова — все есть проявление половой жизни — справедливо. При известном понимании слова «пол» оно даже несомненно справедливо. Но можно ли отсюда сделать вывод, что *половой акт* есть всё?

Разве *половая жизнь* (в высшем смысле слова) и физический половой акт — одно и то же?

Ведь пение соловья есть тоже проявление половой жизни, так же, как и спаривание его с самкой. Но следует ли из этого, что соловей должен перестать петь и *всю* свою половую энергию направить на физическое отношение с самкой?

Правильно чувствуя святость половых отношений, Розанов доводит это чувство *до лжи,* своей чудовищной односторонностью предлагая, чтобы вся половая сила уходила в деторождение, в многоженство, в «физику». И, благодаря этой лжи, мерзость нашего современного двойственного отношения к браку заменяется мерзостью еще большей, мерзостью розановской, кощунственной.

Для современного христианства жизнь есть «сон», от которого каждый должен стремиться как можно скорей «очнуться». Жизнь есть «испытание». Мы — странники. Земное существование — «необходимое зло», которое чем скорее кончится, тем лучше.

Современное христианство не любит *землю*. Не понимает ее, не хочет ее.

Отсюда — «нехотение» женщины. Презрение к самому яркому проявлению земной, плотской жизни — половому акту.

Если «отшельник», если современный официальный христианин взойдет весной в лес и почувствует творческую, *физическую* жизнь природы, он должен почувствовать *ужас* — бежать в пустыню.

Половая жизнь природы для него грязь и *бессмыслица*. Он почувствует, что и птицы, и травы, и цветы, и животные, и лес, и само солнце, их согревающее, — все полно этого, заложенного *в душу земли,* стремления к единению мужского и женского начала, — почувствует и ужаснется, что сам-то он часть этого леса, этих цветов и животных, часть *земли* и потому в нем есть это *земное*. Он готов будет не только отречься от этого: «не знаю сей земли», как Петр отрекся от Христа, но и проклясть ее.

— Не хочу я этого! Не хочу *грязи,* будь она проклята!

Отсюда вывод: христианство, давшее идею *Бога-человека* (небоземли), должно перестать «проклинать» землю, перестать отрекаться от нее, признать, что она *святая*. Что лес свят, пение соловья свято, цветы святы, и *я, человек, желающий женщины, свят*. Потому что я тоже земля и живу с нею единой жизнью.

Но я *не только земля*.

Если в природе жизнь небесная бессознательная, «стихийная», выражающаяся в *красоте природы,* то в человеке она выражается в духовном *творчестве*.

Если еда и питье есть *основа бытия,* то половое сношение есть *основа творчества*. Первая «физическая» ступень его.

Человек не должен остановиться на этой ступени и уйти в «многоженство». Но он должен, приняв ее, как первую, святую ступень творческой жизни, восходить от нее дальше, восходить от земли-человека к небу-Богу.

Половой акт не есть необходимая «грязь». Из грязи «ангелы» не рождаются, а тем более дети Божии, — это есть великое и святое, но опозоренное, заплеванное, осмеянное и опошленное нами.

Всякий половой акт, когда он есть отказ от небесного, когда он исключительно материален, когда он «механическое соединение» двух тел, — он мерзок, хотя бы совершался с благословения какой бы то ни было Церкви и при полнейшей супружеской «верности».

Христианское решение полового вопроса гласит: половой акт есть *таинство,* потому что здесь не только соединение видимой физической природы, но и невидимой духовной индивидуальности. На него имеет право только тот, для кого это не предмет «наслаждения», а первая ступень великого подвига: совместной творческой жизни. Тогда он свят *от начала до конца* — от самых интимных, «грязных» подробностей до самых возвышенных проявлений в духовном творчестве.

Современное отношение к браку как к «грязи» не уничтожило «разврата», оно его *породило.* Оно создало то подлое «похихикивание», которое существует теперь по отношению к женщине. Вся «холостяцкая» пошлость с гадкими анекдотами и страшной проституцией, все питается идеей, что здесь «грязь».

Вместо благоговения получилось *глумление.* Все «стыдятся» и все же «делают» с мерзким смешком, без тени сознания своей ответственности, серьезности и святости того, над чем они хихикают и о чем рассказывают в «курилках».

Унижена женщина, унижено творчество, самая цивилизация раздвоилась и ее видимая «духовность» бессильна и пуста, потому что не восприняла *основного* земного начала. Не восприняв основы, она «не дотянулась» и до небес, застыла «недоделанной» в полумертвом бессилии.

Выход отсюда не розановский: это было бы равносильно возвращению к дикому состоянию, то есть отказ от всей мировой истории.

Выход в новом взгляде на половую жизнь, в новом взгляде на женщину, в новой *половой психике,* которая бы раскрыла всю святость, все *религиозное значение* того, над чем до сих пор мы только издевались, что мы упорно втаптывали в грязь.